

Этот человек явно не был похож на доброго молодца.

Подросток едва заметно задрожал, его спина почти прижалась к груди незнакомца, а хрупкая, уязвимая шея вынужденно отклонилась назад, обнажая изящную линию.

Обе запястья Ся Чжиняня были закованы спереди, а глаза закрыты ладонью, так что весь он словно утопал в объятиях стоявшего позади человека.

Мужчина, высокий, сильный.

От него веяло легким, прохладным ароматом геля для душа.

Уголки губ Ся Чжиняня опустились вниз.

Он прекрасно понимал, что победить в драке не сможет, а шансы сбежать были крайне малы.

Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет: ощущая чужое тепло спиной, Ся Чжинян подавил инстинктивное желание вырваться и отпрянуть, чуть подался вперед, увеличивая дистанцию, и заговорил мягким, беззащитным голосом:

— ...Брат, давай договоримся.

— Я больной человек, случайно здесь оказался. Я ничего не видел и уж темное никак не могу тебе угрожать. Давай-ка разойдемся по добру по здорову: сделаем вид, что никто из нас здесь не появлялся, м?

Стоявший позади тихо усмехнулся, понизил голос, но тон сохранил вполне дружелюбный:

— С чего бы мне верить тебе? Вдруг ты все-таки кое-что разглядел?

Ся Чжинян замолчал:

— ...

Перед глазами царила кромешная тьма, и он недовольно поджал губы:

— Если бы я что-то увидел, ты бы мне глаза не зажимал.

Янь Ци улыбнулся уголками губ и опустил взгляд на человека в своих объятиях.

В полумраке окружающего полумрака кожа подростка казалась ослепительно белой. Под больничной робой угадывалась хрупкая фигурка, тонкая талия, запрокинутая назад голова и естественно-алые, слегка припухшие губы, выдававшие смесь напряжения и тихого недовольства.

Казалось, он немного изменился по сравнению с прошлым разом.

Янь Ци ничего не ответил, а его взгляд опустился на собственные ладони, соприкасавшиеся с кожей подростка.

Раз тот внезапно затих, Ся Чжинян, не желая злить незнакомца, осторожно прощупал почву:

— Чего это ты вдруг замолчал? А тот, второй, поблизости... такая тишина пугает до жути.

Янь Ци шевельнул пальцами, подушечки которых касались чужой кожи, и мягко произнес:

— Прости, если напугал. Но лишний голос повышает риск выдать себя.

— Как насчет того, чтобы проявить каплю смелости?

Ся Чжинян промолчал:

— ...

Надо же, какой бесстыдный извращенец.

Судя по голосу, парень совсем молодой, и тот второй, должно быть, ровесник.

К тому же они совсем не походили на перепуганных преступников, заматающих следы после какого-то беззакония, и явно не собирались затыкать ему рот убийством. Говорили они членораздельно, да и на обнюхавшихся какой-нибудь дури не походили.

Вряд ли эти двое только что баловались наркотиками.

В голове Ся Чжиняня пронелся быстрый анализ, и его левый большой палец машинально надавил на сустав указательного.

Мэн Чэнь, застывший рядом уже целую вечность, остекленевшим взглядом пялился на них двоих — точнее, на место, где их кожа соприкасалась.

На перехваченные запястья и закрытые глаза.

Мэн Чэнь вытаращил глаза на Янь Ци и, не издавая ни звука, беззвучно одними губами показал:

— Янь-гэ, ты...

Янь Ци не обратил на него внимания, опустил голову и принялся разглядывать Ся Чжиняня. Его длинные ресцы слегка подрагивали, а черные глаза излучали чистейшее, почти детское любопытство. Ладонь закрывала глаза юноше, подушечки пальцев чуть шевельнулись, скользнув по теплой и мягкой коже, и сами собой легко прижались к ней.

Ощущение соприкосновения кожи.

...Очень необычное.

Мягкое и теплое тело передавало тепло, успокаивая каждый участок кожи, казалось, непрерывно источимый насекомыми, и струящаяся благодатная теплота разглаживала вечно натянутые и чувствительные нервы.

Нестерпимый зуд и беспокойство исчезли, а этот небольшой контакт размером с ладонь почти полностью стер все его раздражение и жажду, накопившиеся за последние десять с лишним лет.

Он чувствовал себя комфортно как никогда прежде.

И его мизофобия...

На удивление не вызвала ни малейшего отвращения к стоявшему перед ним человеку.

Янь Ци двигался очень осторожно, в этом не было никакого интимного подтекста, лишь сплошное изумление, которое он не мог сдержать.

Ся Чжинянь всем телом страшно напрягся.

Он и так не любил телесных контактов с людьми, а незнакомые ощущения заставляли его сердце сопротивляться еще сильнее, вызывая непреодолимое желание вырваться и сбежать.

Убедившись, что эти двое не какие-то преступники, Ся Чжинянь потерял остатки терпения, поджал губы и невольно затараторил:

— Уважаемый старший брат, если вы хотите меня отпустить, я не буду звонить в полицию. Если же вы хотите меня похитить, не могли бы вы сначала дать мне куртку? Мне немного холодно.

— А запросы у тебя довольно высокие. — Янь Ци позабавили его слова, уголки его губ приподнялись, но он не сердился, а заговорил с ним почти доверительным тоном: — А что, если я на всякий случай захочу тебя прикончить?

Ся Чжинянь слегка стукнул зубы друг о друга, длинные респы скользнули по ладони Янь Ци, и он ответил совершенно без раздумий:

— Тогда сделайте это поскорее.

Тон юноши был настолько равнодушным, будто они обсуждали еду или питье, и Янь Ци опустил голову, глядя на него чуть дольше.

— Ты слишком много думаешь, — усмехнулся он. — Мы не преступники и таким не занимаемся.

Янь Ци немного ослабил хватку.

— Сейчас я отпущу тебя, иди вперед и не оглядывайся. Предупреждаю: если оглянешься в пределах двадцати метров, я легко смогу поймать тебя обратно.

Если же отойти дальше двадцати метров — небо уже стемнело, и за пределами двадцати метров все равно ничего не разглядеть.

Ся Чжинянь кивнул. Его запястье освободилось, поле зрения перед глазами восстановилось, и он зашагал вперед, не оборачиваясь до тех пор, пока не вошел в здание больницы.

Янь Ци смотрел вслед постепенно исчезающей фигуре.

Остаточное тепло на ладони медленно рассеивалось, и зудящее, похожее на укусы насекомых оцепенение вновь стало проникать в нервы.

Мэн Чэнь повернулся к Янь Ци, и в его выражении лица смешались шок и радость:

— Брат Янь, он... помог от твоей болезни?

Усугубляющаяся мизофобия и... мучающий Янь Ци уже много лет... синдром дефицита объятий.

Янь Ци опустил взгляд на кончики пальцев, в глубине его глаз сгустилась темнота, и он тихо усмехнулся:

— Пока не уверен.

Вечером Ся Чжинянь трижды принял ванну, прежде чем вышел из ванной комнаты. После этого он какое-то время высматривал тех двоих парней, но ничего не обнаружил, поэтому ему пришлось временно отложить это в памяти и вернуться на учебу в школу.

На уроке физкультуры Ся Чжинянь сидел на трибуне. Внизу на баскетбольной площадке высокий парень с красивыми чертами лица перехватил мяч и издав бросил трехочковый, отчего трибуны в тот же миг взорвались восторженными криками и воплями.

— Брат Чу — мощь! Брат Чу — сила! Чу Цинцзянь такой красивый!

Красивый парень небрежно приподнял подол спортивной майки, чтобы вытереть пот, обнажив рельефные кубики пресса, и на трибунах снова раздался взрыв визга.

Ся Чжинянь подпер щеку рукой, сидя в стороне, и при этом уголки его губ слегка приподнялись: стоило признать, он вполне достоин быть главным нападающим, способным усмирить эту двуличную черносердечную булочку с начинкой по имени Янь Цы.

В оригинальном романе главная пара — протагонист-нападающий и протагонист-получатель — на протяжении всей истории только и делала, что сыпала сахаром: получатель был высокомерным и черносердечным, а нападающий — страстным и жизнерадостным, к тому же они были друзьями детства и росли вместе.

В поздних главах Янь Цы раскрыл перед нападающим своё истинное лицо, но главный герой Чу Цинцзянь без колебаний принял его, после чего Янь Цы ради любви согласился занять пассивную роль.

Их пикировки и взаимодействие источали просто зашкаливающее количество сладости.

Когда он только попал в книгу, ему казалось, что наблюдать за этим вблизи, пожалуй, довольно весело, но теперь, при одной мысли о Янь Цы, у него начинала болеть шея, и он инстинктивно огляделся по сторонам.

Чистый, благородный и мягкий главный герой-получатель о чём-то беседовал с учителем у края спортивной площадки, а на нём была безупречно отутюженная белая рубашка, которая невероятно бросалась в глаза.

Ся Чжинянь потёр шею и причмокнул губами.

Ну и что, что у него бледная кожа и черносердечная сущность? Ну и что, что он сворачивает ему шею? Каким бы чёрным ни было его сердце, разве в конце концов его не уложит главный

герой-нападающий под всякие там ах-ух?

Ха.

Уголки губ Ся Чжиняня дрогнули в улыбке, как вдруг тот парень вдали поднял голову и его взгляд встретился прямо с его собственным.

— ... — выражение лица Ся Чжиняня мгновенно испарилось, и он отвернулся.

Янь Цы приподнял бровь.

У юноши были довольно светлые волосы, отливавшие на солнце молочным золотом, что прекрасно гармонировало с его янтарными глазами. Его круглые миндалевидные глаза смотрели настороженно, и сидел он в полном одиночестве, в то время как окружающие одноклассники шарахались от него так, будто он был ходячей чумой, стараясь держаться по меньшей мере в трёх метрах.

Приблизился лишь один человек.

Чу Цинцзянь выглядел слегка раздраженным; нахмурившись, он широким шагом поднялся на трибуны и направился напрямик к Ся Чжиняню.

Кто-то тихо ахнул от волнения, а сидевшая рядом девушка бросила взгляд на Ся Чжинянь:

— Подруга, успокойся, он идёт вовсе не к тебе.

Она презрительно фыркнула:

— Чу Цинцзянь просто слишком добр, он и так уже проявил максимум великодушия к семье Ся, но некоторых психопатов давно пора отправить в полицейский участок, чтобы они не портили жизнь другим в школе.

— Именно! Мало того, что таскается хвостом за Чу Цинцзянем, так ещё вечно цепляется к Янь Цы, из-за чего староста попал в аварию, да ещё и утянул его за собой в этот проклятый погреб.

Ся Чжинянь слушал всё это с лёгким вздохом.

Он не стал оправдываться и позволил окружающим одноклассникам тихонько перешептываться. Полистав воспоминания первоначального владельца тела, он пристально уставился на приближающегося Чу Цинцзяня, а когда тот подошёл совсем близко, поднялся, застенчиво и неловко улыбнулся ему, после чего поспешно опустил голову.

— Брат Чу.

Чу Цинцзянь, только что закончивший играть в мяч и пылавший жаром, хмуро посмотрел на него:

— Я слышал от тёти Цзян, что ты ещё вчера температурил. Какого чёрта тебя понесло выписываться?

Разумеется, ради развития сюжета.

Ся Чжинянь вжался головой в плечи ещё сильнее, изображая смущение, вытащил из кармана конверт нежно-розового цвета с нарисованным большим сердечком и протянул его вперёд.

— Брат Чу, со мной всё в порядке, я п-просто хотел прийти в школу... чтобы почаще видеть тебя.

ТЬфу, спасите! Спасите меня!

Что за мусорный второстепенный персонаж и какая отвратительная роль!

Внутри Ся Чжинянь едва ли не выворачивало наизнанку, да и Чу Цинцзянь выглядел так, будто проглотил тухлятину: его лицо мгновенно исказилось, и он отшатнулся назад на целый шаг.

— Это ещё что такое! Сколько раз я тебе говорил: ты мне не нравишься, прекрати нести чушь.

Ся Чжинянь: — ...

Сорян. QAQ

Видя, насколько тот от него отмахивается, Ся Чжинянь на секунду испытал угрызения совести. Впрочем, уже через две секунды ради того, чтобы первоначальный владелец тела поскорее исчез из сюжета и он сам смог отправиться домой, он изобразил горькую улыбку человека, которому разбили сердце, но который никогда не сдастся.

Затем он снова потупил взор и, упорно продолжая протягивать любовное письмо, пропищал голоском комара:

— Брат Чу, это тебе.

— Не нужно мне это!

Чу Цинцзянь выругался, но вовремя прикусил язык, собираясь уходить, и зло бросил на ходу:

— Я что, мать твою, объелся белены, чтобы возиться с тобой!

Он слишком хорошо знал истинную сущность Ся Чжиняня.

Мрачный, помешанный, не понимающий своего места и не способный разглядеть чужие маски.

Чу Цинцзяню всё это осточертело. Сделав несколько широких шагов, он вдруг о чём-то вспомнил, остановился, обернулся и свирепо бросил:

— Не хочешь окочуриться — оставь Янь Цы в покое.

Ся Чжинянь: — ...

Ладно, главный герой-нападающий испугался его и сбежал, да вдобавок бросил угрозу ради главного героя-получателя.

Сцена выполнена.

Ся Чжинянь с облегчением выдохнул, сжав в руке злосчастный конверт, и понуро замер на трибунах, позволив окружающим ещё несколько минут сыпать едкими насмешками. Отыграв роль глубоко несчастного и убитого горем человека, он спрятал письмо и, воспользовавшись тем, что никто не смотрит, тихонько ускользнул.

В пустом классе Ся Чжинянь уселся за парту, сделал несколько жадных глотков холодной воды и скривил губы.

При таком характере прежнего владельца трудно винить главного героя за то, что тот хотел его побить — ему и самому ужасно хотелось врезать этому парню.

У Чу Цинцзяня с прежним владельцем были давние счеты: сначала он жалел его и даже опекал, но чем лучше тот к нему относился, тем сильнее Ся Чжинянь садился ему на шею.

Конечно, раз уж это история в жанре сладкого романтического пирожка, каждая выходка прежнего владельца неизменно служила одной-единственной цели — подталкивать отношения между главной парой вперед.

Взять хотя бы сегодняшний день.

Хотя сейчас светило яркое солнце, в первоисточнике чёрным по белому было написано, что к концу занятий хлынет проливной дождь.

И надо же было такому случиться, что верхнюю одежду страдающего манией чистоты главного героя-получателя... измазал чернилами Ся Чжинянь, снедаемый жгучей ревностью после того, как получил отказ.

Причём в момент разоблачения в классе оставались лишь двое — Чу Цинцзянь и Янь Цы.

Ну а дальше — одолжить верхнюю одежду, поделиться зонтом, слово за слово, и градус чувств между ними неизбежно поползёт вверх.

Несчастливым во всей этой истории оставался лишь жалкий попаданец.

Попаданец молча извлёк из школьного портфеля пузырёк с красными чернилами.

Украдкой заглянув в дверной проём и убедившись, что в коридоре никого нет, Ся Чжинянь захлопнул дверь, подошёл к парте Янь Цы и глубоко вздохнул.

Прошлая школьная куртка Янь Цы погибла — он укрыл ею Ся Чжиняня в погребе, после чего её пришлось просто выбросить, — а эта была совершенно новой, аккуратно сложенной внутри парты так, что виднелся лишь её край.

Он впервые в жизни занимался подобными пакостями, две минуты собирался с духом, а затем дрожащими пальцами открутил крышечку флакона.

Но стоило ему лишь слегка приоткрыть её, как дверь класса за спиной внезапно со скрипом приотворилась, впуская внутрь порыв прохладного ветра.

И в тишине медленно прозвучал низкий, прохладный голос:

— Ся... что ты делаешь возле моего места?

<http://bllate.org/book/21744/2247969>